

В. П. Большаков¹

АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО ДЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ЦЕННОСТНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Когда мы говорим о культурном феномене Санкт-Петербурга, мы неизбежно отталкиваемся от общего понимания культуры. В Санкт-Петербурге, и вообще в российской культурологии, не исчезает, хотя и не доминирует ценностно-гуманистическое понимание культуры. Между тем развитие такого ее понимания весьма актуально именно сейчас. Во всем мире и в России существенно меняются формы реализации культуры, средства ее сохранения и распространения. Остро проявляются проблемы ее омащивления, подмены культуры ее суррогатами, имитациями разного рода.

В современных трактовках понятие культуры столь многообразно, что утратило всякую определенность. При огромном количестве дефиниций постепенно укрепились три основных варианта ответа на вопрос, что такое культура.

Первый — очень распространенный объективистский, позитивистский вариант, когда культура понимается как все то, что создано человеком и человечеством, весь искусственный мир, способы и результаты человеческой деятельности. Это предельно расширительное понимание культуры включает в объем и содержание понятия всю жизнь человека и общества во всех ее проявлениях. При этом обычно выделяют культуру материальную и духовную. Иногда (М. С. Каган) наряду с ними — художественную. Такое понимание культуры сложилось в борьбе с субъективизмом (а в нашей стране еще и с идеализмом) в подходе к тому, что называется культурой. Те, кто разделяет это понимание, считают, что таким образом культурология становится действительной наукой, таким же объективным знанием, как естественные науки. Знанием, независимым от наших эмоционально-субъективных оценок познаваемого.

¹ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ.

² См. подробнее: Барышников М. Н. Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006.

Но поскольку и приверженцы такой трактовки говорят и пишут о необходимости сохранения и развития культуры, то последняя порой подразделяется на реакционную и прогрессивную. Понятно, что таким образом элемент субъективности проникает в, казалось бы, строго научные концепции. Кроме того, как ни странно, когда культурологи-позитивисты начинают излагать историю культуры, они почему-то не излагают истории всего, что было создано человеком и человечеством. Чаще всего ограничиваются верованиями, наукой, искусством.

Значительная часть исследователей культуры понимала и понимает ее как духовный опыт человека и человечества. Это и представляет собой *второй*, тоже достаточно распространенный вариант понимания культуры. В таком случае смысл понятия «культура» ограничивается, и под историей культуры естественно понимается история развития духа, а не всего искусственного мира. Как считается при этом, культура и ее ценности могут, конечно, воплощаться и воплощаются в материальных, вещественных носителях духовного содержания. Культурологи-семиотики видят культуру как систему чувственно воспринимаемых объектов, знаков, несущих ценностные смыслы. Чаще всего любые ценностные смыслы.

В указанных первом и втором вариантах из понятия культуры едва ли не у большинства современных культурологов постепенно исчезло гуманистическое содержание, развитое мыслителями XVIII–XIX вв. и отстаиваемое в XX в. А. Швейцером, Н. Рерихом, Д. С. Лихачевым. *Третий*, к сожалению, менее распространенный вариант понимания сущности культуры — видение ее не просто в качестве духовного опыта, а опыта, имеющего ценностно-гуманистический смысл, сознание того, что культура, по выражению Н. Бердяева, «благородного происхождения», что ценности культуры позитивны в плане «очеловечивания человека» и его жизнедеятельности. Уже Э. Тайлор смотрел на культуру как на то, что одновременно содействует «развитию нравственности, силы и счастья человека».

Возражая такого рода трактовкам культуры, чаще всего указывают на огромное множество явлений действительности, не гуманистичных, с нашей точки зрения, ценностно-нейтральных, даже бесчеловечных, но в высшей степени значимых. При этом задаются два вопроса. Первый: какими же понятиями охватываются эти явления? Второй: с какой стати решающими при отнесении или не отнесении тех или иных явлений к сфере культуры оказываются наши оценки, которые неизбежно субъективны? На первый вопрос ответить просто. Кроме слова «культура» есть и другие, такие как цивилизация, прогресс. Е. Соколов отметил, что как раз скорее цивилизация, чем культура, представляет собой все, что создано человеком и человечеством, «включая помойки и неприличные деяния». Что касается второго вопроса, на него ответить не так просто. Действительно, почему мы не можем удерживать ценностно-нейтральное, объективистское понимание культуры? Можем. Ведь это мы насыщаем понятия смыслами, которые могут быть различными в разное время, в разных исторических условиях, в зависимости от разных потребностей. Назвать культурой можно все что угодно. Можно оставить в содержании этого понятия только одно — то, что

не природа. Но есть ли смысл в таком нейтралистском понимании культуры, которая, по мнению Д. С. Лихачева, есть «то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации»¹? Д. С. Лихачев считал, что «основная задача современной жизни: сочетать развитие техники с гуманизмом»². По сути, у него речь идет о том, что культура должна становиться основой цивилизации, ибо «цивилизация без души — ужас!»³ Не следует бояться, что мы таким образом сохраняем (не вносим, а именно сохраняем) выстраданный человечеством смысл культуры как гуманистически ценный, то, что, согласно А. Швейцеру, «содействует духовному совершенствованию», а не деградации индивида. Сохранение такого смысла культуры и при ее изучении, и при культуротворческой деятельности, и в попытках воспитания культуры сегодня важно, как никогда. Что касается Санкт-Петербургской культурологии, то в ней этот смысл не вовсе утрачен. Но следует и дальше отстаивать и развивать гуманистическое понимание культуры. При этом не надо забывать, что «на дворе» XXI в., а не XVIII–XX, что осмысление культуры в гуманистически ценностном аспекте должно соотносываться с реалиями современности.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 9.

² Там же. С. 207.

³ Там же.